

ЕГИПТЯНЕ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВА ПТОЛЕМЕЕВ

Статья посвящена вопросам этнической политики эллинистического Египта. Автор доказывает, что административная реформа, проведенная в начале II в. до н. э., привела к включению коренных египтян в систему государственного управления Птолемеевского Египта.

Ключевые слова: эллинизм, государство Птолемеев, Древний Египет, национальная политика, административная реформа.

Походы Александра Македонского привели к образованию на востоке огромной империи, впрочем, ненадолго пережившей своего создателя. Уже в 321 г. до н. э. в Трипарадисе был заключен договор между политическими наследниками Александра – диадохами, согласно которому территория единого государства делилась на несколько политических образований. В 306 г. до н. э. диадохи приняли царские титулы, тем самым закрепив независимость созданных ими государств.

Большинство образовавшихся эллинистических царств носило полиэтнический характер. В наибольшей степени это было свойственно государству Селевкидов и государству Птолемеев, где проживали представители многих народов. В Египте, кроме титульного этноса, македонцев и греков (как навкратисских, так и прибывших после завоевания Египта Александром Македонским), это были евреи, ливийцы, нубийцы, создававшие собственные общины¹. Однако степень включенности этих народов в систему государственного управления была разной. Если Селевкиды с самого начала активно использовали опыт представителей прежних элит, то в Египте до рубежа III–II вв. до н. э. ситуация была обратной.

До реформы почетной титулатуры, прошедшей в государстве Птолемеев в начале II в. до н. э., основу управления страны составляли «друзья царя» и «телохранители» (функции которых были гораздо шире, чем круг полномочий обычной гвардии)². Эти титулы в раннеэллинистическом Египте присваивались исключительно грекам и македонцам. Л. Мурен приводит сведения о двадцати трех «друзьях царя», живших в конце IV – начале II в. до н. э.³, и все они носили греческие имена. Сам Птолемей обзавелся «друзьями» еще в период борьбы за власть в Египте после первого раздела сатрапий между диадохами (Diod., XVIII, 14, 2; 28, 6; 33, 4–5). Словный состав его «друзей» традиционен для эпохи эллинизма – это изгнанники, артисты, философы, доктора, ученые, принимающие активное участие в политической жизни страны⁴. Отношения между Птолемеем и его «друзьями», как и во всех эллинистических монархиях, основывались на взаимном доверии (Diod., XXI, 12), что было затруднительно в случае с местными элитами. Никакого специального механизма назначения на высшие государственные посты не существовало, выбор «друзей» осуществлялся исключительно царем – как в случае Птолемеев (Plut. De exilio, 601), так и у Селевкидов (I Macch., 10, 65). Нередко царь «получал в наследство» «друзей» своего отца; наиболее характерный пример в истории эллинистического Египта – Афенион, служивший Птолемею III, Птолемею IV и Птолемею V (Jos. Ant. Jud., XII, 171).

Таким образом, в раннеэллинистическом Египте сложилась жестко централизованная система управления, единственным главным элементом которой был царь. Если Селевкиды до реформ Антиоха III сохраняли разделение военной и гражданской власти (врученной соответственно стратегам и сатрапам), да и пергамские Атталиды придерживались подобной политики, то в Египте всё подчинялось царю, только стратег Фиваиды был неким птолемеевским аналогом стратега нескольких сатрапий⁵. В центральном же аппарате египтянами поначалу места не было.

Аналогичная ситуация складывалась и в армии птолемеевского Египта. Если основой войска Селевкидов были местные контингенты, и вербовка солдат проводилась во всех районах страны (Diod., XVIII, 30, 45; XIX, 20, 29; Just., XIV, 4, 18; Plut. Evm., 4), а цари даже иногда поручали местной знати собрать армию и командовать ею (Diod., XIX, 12, 14, 20, 29, 40; Plut. Evm., 13, 4; Diod., XVIII, 7, 3–5), то армия Птолемеев полностью состояла из наемников-клерухов, на оплату которых тратились огромные средства. Клерухи-солдаты на действительной службе не были действующей армией, которая требовала бы постоянной службы в лагерях или гарнизонах,

а также постоянных упражнений. Только мобилизация клерухов приводила эту армию в состояние боевой готовности⁶. Впрочем, несмотря на существование военного набора, македонская армия времен Антигона и Деметрия также более чем наполовину состояла из наемников, которые вербовались в Спарте, Беотии, Писидии, Ликий, Киликий, Келесирии, Финикии и городах Кипра (*Diod.*, XVIII, 58, 1; 61, 4–5; XIX, 57, 5; 77, 4).

Египтяне появляются в составе армии Лагидов только при Птолемее IV, возможно, по личной инициативе его «друга» Сосибия⁷; до того они использовались лишь как стражники⁸. Двадцатитысячное войско, сформированное в виде македонской фаланги, было вооружено и обучено также по македонскому образцу (*Polyb.*, V, 65, 9–10). Этот шаг, вне всякого сомнения, был продиктован не только форс-мажорными обстоятельствами, сопровождавшими ожесточенную войну с Селевкидами; в конце III в. до н. э. приток наемников в птолемеевскую армию значительно сокращается⁹. Во II в. до н. э. Птолемеи замыкаются на внутренних проблемах государства, вступившего в полосу длительного социально-экономического и политического кризиса¹⁰, и военные и дипломатические контакты египетских правителей с отдаленными областями эллинистического мира окончательно прекращаются¹¹. Соответственно, и армии приходится в первую очередь ориентироваться на местные источники пополнения своих рядов.

Таким образом, формирование государственного аппарата Птолемеевского Египта в III в. до н. э. приводит к временному поражению местной элиты в правах. Начиная с эпохи Птолемея I египтяне отстранялись от участия в государственном управлении¹². Власть в Египте получили греки – жрецы, клерухи, землевладельцы, «друзья царя» и др.: местные жрецы утратили влияние, подчинились властям и в III в. до н. э. стали получать только необходимое¹³. Имущественное положение стало напрямую связываться с этнической принадлежностью; так, анализируя социальный состав Фаюма, А. Свидерек некогда пришла к выводу, что в III в. до н. э. не существовало бедных греков и богатых египтян¹⁴. Источники сообщают о многочисленных нарушениях прав египтян по сравнению с греками (P. Col. Zen., 66; P. Yale, 46). Подчиненное положение египтян, впрочем, облегчалось тем, что рабство в Египте традиционно не было широко распространено, а рабство античного типа здесь укорениться не смогло; рабы были лишь в Александрии, в рудниках и, возможно, в Мемфисе, в ткацкой мастерской Аполлония, диоикета Птолемея II (PCZ, 59142). Борьба против греков принимала в основном пассивные формы, такие, например, как групповое

бегство – анахоресис. Именно в это время этническое обозначение «эллин» приобретает социальный смысл, став обозначением представителя господствующего класса, владеющего греческим языком и посещающего гимнасий, вне зависимости от его этнического происхождения¹⁵.

В конце III в. модель межнациональных отношений в Египте меняется: влияние египтян значительно растет (см., напр.: *Polyb.*, V, 107, 1–3). Причина этого носила военный характер: финансовые затруднения заставляли вести сбор средств на оборону среди египетских жрецов (которые в связи с этим восстанавливают свое влияние), а сокращение притока наемников из Греции – прибегать к помощи местных отрядов. Именно тогда Птолемей III и IV начинают гораздо бережнее относиться к попыткам провозглашения себя фараонами. Во всяком случае, полная титулатура царя как фараона приводится и в Питомской стеле (217 г.), и на Розеттском камне (OGIS, 90), описывающем коронацию Птолемея V осенью 197 г. Этот процесс совпал с продолжительной (207–186 гг. до н. э.) гражданской войной, в ходе которой Верхний Египет отпал и 20 лет управлялся независимыми нубийскими фараонами, и ростом бандитизма в Нижнем Египте и Дельте. Эта война представляла собой вызванное ослаблением государства социальное недовольство, принявшее националистическую форму.

С ростом влияния египтян реальное значение греков и македонцев падает¹⁶, хотя понятие об их власти сохраняется (*Liv.*, XXXVIII, 17, 11). Македонцы остаются правящим сословием, однако их процент в армии сокращается, а многие из них забывают и родной язык (*Plut. Ant.*, 27, 5). После восстания Дионисия Петосарписа начинаются, напротив, гонения на греков (*UPZ*, 7, 8, 15)¹⁷. Постепенно египтяне вытесняют греков и занимают важное место в административном аппарате страны¹⁸; несколько сложнее этот процесс идет в Александрии, где македонцы сохраняют преобладающее положение несколько дольше. Данные ономастики начиная со II в. становятся недостоверными из-за появления двойных и грецизированных имен египтян и иудеев, а также распространения практики смены имени, получившей наиболее полное развитие уже в римскую эпоху.

Здесь-то и примиряются две противоположные модели взаимоотношений между греками и македонцами, с одной стороны, и туземным населением, с другой. Для II и I вв. до н. э., безусловно, прав В. Эренберг, который полагал, что связь между греками и негреками с течением времени только упрочивалась¹⁹. В то же время распространенное мнение о сохранении ведущего греческого эт-

нического элемента в процессе межэтнического взаимодействия²⁰, по крайней мере для II–I вв. до н. э. представляется неверным, поскольку действенным методом размывания этнических границ становятся смешанные браки, запрещенные в полисах (BGU, 1210), но ставшие в хоре обычным явлением²¹. Египтяне превосходили греков и македонцев по численности, что и предопределило ход и результаты процесса ассимиляции. Филарх, во всяком случае, говорит об александрийцах как о египтянах (*Phylarch*, FGrH, 81, F, 27).

Вторым способом размывания этнических границ стала усиленная колонизация Египта, приводившая к тому, что в стране формируется слой негородского греческого населения. К районам такой колонизации в первую очередь следует отнести Фаюм. Колонизация приводит и к постепенному проникновению культурного влияния Греции вглубь территории страны – вплоть до Верхнего Египта, где туземная знать, пусть медленнее, но все же эллинизируется²².

Третий способ – создание единой египетской армии. Он налицо и в полиэтничных войсках Александра Македонского. Соединение в каждой, даже небольшой войсковой единице людей различных национальностей влекло за собой резкое недовольство македонских ветеранов и, как следствие, новые военные реформы. Македонская фаланга была значительно разбавлена восточными контингентами (по подсчетам П. Гуковского, в фаланге на четыре македонянина приходилось 12 персов²³). В состав армии Александра в конце его правления, в сущности, входило всего около 8 тысяч македонских пехотинцев; их и получил Антигон при своем назначении стратегом царского войска (*Diod.*, XIX, 29, 3; *Arr.*, *Succ. Alex.*, 43). Следует отметить, что картина идеального взаимопонимания между Александром и армией, нарисованная П. Брианом, не совсем соответствует действительности. Некоторые эпизоды восточного похода показывают нам серьезные разногласия между ними (*Arr.*, *Anab.*, VII, 6,2; *Curt.* X, 3,1–5). Курций Руф ясно показывает политическую и социальную аморфность солдатской массы, которая шла на поводу противников круга «друзей» Александра, против чего выступает П. Бриан. П. Гуковский видит в событиях 323 г. борьбу между сторонниками двух государственных моделей – традиционного македонского двурца и авторитарной монархии²⁴, причем первые использовали неорганизованную солдатскую массу, а вторые опирались на царскую гвардию и кавалерийские части.

Размывание правящего класса усугубляется в начале II в. до н. э., когда расходятся интересы придворной аристократии и торгово-ремесленной знати Александрии. В III в. до н. э. представители обоих

групп объединялись в стремлении получения возможно больших доходов и проведения активной внешней политики, то к началу II в. интересы придворной аристократии стали совпадать с интересами номовой знати, которая стремилась увеличить свои доходы путем сокращения расходов на внешнеполитические предприятия, содержание флота и большого контингента наемных войск. Проявлением столкновения интересов двух группировок стала их борьба за опеку над Птолемеем V (*Polyb.*, X, 25–33; XVI, 21; 22). В этой обстановке возрастает значение наемных войск и их командиров – например Тлеполема (*Polyb.*, XV, 25–27). Борьба в придворных кругах продолжалась в течение всего II в. до н. э. и привела к появлению неуправляемой администрации на местах.

Подобная ассимиляционная политика характерна вовсе не для всех эллинистических государств. В государстве Селевкидов мужские потомки всех эмигрантов из Македонии считались македонцами до тех пор, пока не получали право гражданства в другом городе²⁵. Это объясняет тот факт, что македонцы долго упоминаются в источниках по истории Передней Азии (*Athen.*, 289f, 438c). Такое же значение имела практика, в соответствии с которой военные поселения Селевкидов комплектовались исключительно македонцами, в то время как обычные трудовые поселения заселялись местными жителями²⁶. Тот факт, что в течение первых двух поколений после завоевания в списках центральной администрации не было ни сирийцев, ни евреев, ни персов, да и потом их число не превышало 2,5 %²⁷ (единственное исключение – изгнанный лидер карфагенцев Ганнибал, который был военным советником Антиоха III во время его войны с Римом), объясняется не только мощным потоком греков-переселенцев, обрушившимся на Переднюю Азию, но и принципиально другой моделью взаимодействия пришлого и местного населения. Если право Селевкидов имеет в основном греческие основы, то в государстве Птолемея причудливая картина взаимодействия и переплетения греческих и египетских традиций и порядков в управлении страной приводит к тому, что там не создается единого греко-египетского права; в стране сохраняются две основные культуры, две системы права, и на этой основе формируются правовой дуализм, или даже плюрализм²⁸.

Таким образом, под влиянием военных и внутривосточных факторов Птолемеи вынуждены изменить принципы своей этнической политики. Вместо жестко централизованной системы управления, ориентированной исключительно на царя и допускающей в высшие эшелоны власти исключительно представителей

греко-македонской элиты, создается более гибкий и многофункциональный аппарат, активно рекрутирующий членов из числа египтян. Следствием этого стали повышение роли египтян в системе государственного управления и быстрая эллинизация местного населения.

Примечания

- ¹ Подробнее об этнической ситуации в Птолемеевском Египте см.: *Fraser P.M.* Ptolemaic Alexandria. Vol. 1–3. Oxford, 1972.
- ² Об этом политическом институте и его функциях см.: *Зарапин P.B.* «Друзья царя» в эллинистической монархии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2009. № 3. С. 6–25.
- ³ См.: *Mooren L.* The Aulic Titulature in Ptolemaic Egypt: Introduction and Prosopography. Brussel, 1975.
- ⁴ См.: *Walbank F.W.* The Hellenistic World. L., 1981. P. 76; *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 39.
- ⁵ См.: *Bagnall R.* The Administration of Ptolemaic Possessions Outside Egypt. Leiden, 1976. P. 249–251.
- ⁶ См.: *Зельин К.К.* Земли клерухов в Керкеосирисе по данным тебтюнских папирусов // Вестник древней истории. 1948. № 3. С. 37.
- ⁷ См.: *Пикус Н.Н.* Переломный момент в истории эллинистического Египта // Там же. 1951. № 1. С. 58.
- ⁸ См.: *Пикус Н.Н.* Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э. (исследования социально-экономических отношений). М., 1972. С. 82.
- ⁹ См.: *Griffith G.T.* The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935. P. 244–245, 254, 321–322; *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. Vol. 1. P., 1949. P. 103; Vol. 2. P., 1950. P. 1088–1089.
- ¹⁰ См.: *Зельин К.К.* Исследования по истории земельных отношений в Египте II–I вв. до н. э. М., 1960. С. 348–483.
- ¹¹ См.: *Литвиненко Ю.Н.* Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н. э. (К вопросу о контактах) // Вестник древней истории. 1991. № 1. С. 26.
- ¹² См.: *Фихман И.Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 158.
- ¹³ См.: *Walbank F.W.* Op. cit. P. 115.
- ¹⁴ См.: *Swiderek A.* W «panstwie» Apolloniosa: Spoleczenstwo wczesnotoplemeiskie w swietle Archiwum Zenona. Warszawa, 1959. P. 88–183.
- ¹⁵ Точно так же «персы» в Египте были в первую очередь социальной, а не этнической категорией. См.: *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 214; *Зельин К.К.* Исследования по истории земельных отношений...

- С. 357, 363; Павловская А.И. Эволюция социально-политических основ власти Птолемеев в III–I вв. до н. э. // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 68; Пукис Н.Н. Царские земледельцы... С. 82.
- ¹⁶ См.: *Ehrenberg V.* The Greek State. L., 1969. P. 149–151.
- ¹⁷ Сообщения 163, 161 и 158 гг. до н. э.
- ¹⁸ См.: *Lewis N.* Greeks in Ptolemaic Egypt. Oxford, 1986. P. 88–152; *Вогман А.К.* Egypt after the pharaohs, 332 B.C. – A.D. 642. L., 1996.
- ¹⁹ См.: *Ehrenberg V.* Op. cit. P. 153.
- ²⁰ См., например: *Шургая И.Г.* Керамическое производство Александрии Египетской эпохи эллинизма (конец IV–I вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966. С. 18–19.
- ²¹ См.: *Зельин К.К.* Исследования по истории земельных отношений... С. 364.
- ²² См.: Павловская А.И. Указ. соч. С. 68–69.
- ²³ *Goukowsky P.* Antigone, Alexandre et l'assemblee macedonienne // *Revue de philologie.* XLXX. 1975. 2. P. 266–269.
- ²⁴ *Ibid.* P. 272.
- ²⁵ См.: *Бикерман Э.* Указ. соч. С. 72.
- ²⁶ Там же. С. 74–82.
- ²⁷ См.: *Habicht Ch.* Die herrschende Gesellschaft in den Hellenistischen Monarchien // *Vierteljahrschrift für Soziologie und Wirtschaftsgeschichte.* 1958. Bd. 45. S. 1–16.
- ²⁸ См.: *Wolff H.-J.* Plurality of Laws in Ptolemaic Egypt // *Revue internationale des droits de l'Antiquité.* 1960. Vol. 3. P. 191–233; *Idem.* The Political Background of the Plurality of Laws in Ptolemaic Egypt // *Proceedings of the 16th International Congress of Papyrology.* Chicago, 1981 (ASP, 23). P. 313–318.